КЪ ВОПРОСУ

О ЦѢЛИ ОБРАЗОВАНІЯ.

(Отвѣтъ критику Русской Мысли г. В. К.).

В. Несмѣлова.

КАЗАНЬ.
Типо-Литографія Императорскаго Университета.
1900.

КЪ ВОПРОСУ

О ЦѢЛИ ОБРАЗОВАНІЯ.

(Отвѣтъ критику Русской Мысли г. В. К.).

В. Несмѣлова.

КАЗАНЬ.
Типо-Литографія Императорскаго Университета.
1900.

Печатать дозволяется. Ректоръ академіи, Епископъ **Антоній**.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Православный Собесѣдникъ“
за 1900 годъ.

Въ ноябрѣ 1898 г. появилась отдѣльной брошюрой наша актовая рѣчь *О цѣли образованія.* Ровно черезъ годъ въ ноябрьской книжкѣ Русской Мысли мы прочитали статью г. В. К.—*Образовательный проектъ конца вѣка.* Эта статья посвящена критическому разбору нашей актовой рѣчи—разбору, во многихъ отношеніяхъ настолько замѣчательному, что, при всемъ нерасположеніи нашемъ ко всякаго рода полемикѣ, мы однако считаемъ для себя рѣшительно невозможнымъ обойдти его совершеннымъ молчаніемъ. Впрочемъ отъ полемики мы и сейчасъ пока еще воздержимся. Будемъ отвѣчать г. В. К. *sine ira et studio*, и пусть внимательный читатель самъ разсудитъ о томъ, кто изъ насъ правъ и кто виноватъ.

1. Рецензенту нашей брошюры посчастливилось сдѣлать очень важное открытіе. Онъ именно открылъ въ нашей актовой рѣчи „мотивированный, хотя и не разработанный въ подробностяхъ, *проектъ замѣны гимназій и университетовъ церковной школой*" (Русская Мысль 1899 № 11, стр. 43). Очень понятно, что онъ возмутился такимъ вопіюще-нелѣпымъ проэктомъ, и очень понятно, что въ пылу своего негодованія онъ не задумался причислить насъ къ легіону „современныхъ дѣльцовъ, которые съ легкимъ сердцемъ ставятъ крестъ надъ крохотной гражданственностію и цивилизаціей,

добытыми тяжелымъ трудомъ сотенъ поколѣній,—дѣльцовъ, умственныя усилія которыхъ направлены не на помощь ближнему, не на исканіе выхода изъ общаго критическаго положенія, а на придумываніе все новыхъ и новыхъ ежовыхъ рукавицъ" (ibid.). Возмущенный страшнымъ призракомъ этихъ ежовыхъ рукавицъ, г. В. К. счелъ своимъ долгомъ выступить на защиту попираемыхъ нами правъ гражданственности и цивилизаціи и разоблачить всѣ великіе грѣхи и болѣзни нашихъ „клерикально-патріотическихъ увлеченій".

Рецензентъ обращаетъ свое критическое вниманіе только на одинъ пунктъ въ нашей актовой рѣчи—на наше сужденіе о церковной школѣ до-петровскаго и послѣ-петровскаго періода. Со знаками восклицанія онъ отмѣчаетъ странную нелогичность съ нашей стороны, что и въ томъ и въ другомъ періодѣ мы одновременно и хвалимъ и порицаемъ церковную школу. Въ этой нелогичности онъ увидѣлъ тайный „умыселъ" съ нашей стороны; просто на просто онъ увидѣлъ здѣсь наше недобросовѣстное желаніе путемъ искусныхъ „хитросплетеній" заговорить зубы такимъ людямъ, которые не обладаютъ великой прозорливостію самого г. В. К. Такъ какъ всю суть нашей брошюры онъ видитъ лишь въ нашей похвалѣ по адресу церковной школы, то на эту именно похвалу онъ и обрушивается всего тяжестію своей великой учености.

По сужденію г. В. К., древняя Русь можетъ поражать насъ только своимъ глубокимъ невѣжествомъ. Это сужденіе свое онъ оправдываетъ ссылками на ученые труды покойнаго профессора И. Я. Порфирьева, академика Н. С. Тихонравова, П. Н. Милюкова, В. А. Мякотина и г. Преображенскаго, и полагаетъ, что этихъ ссылокъ совершенно достаточно для того, чтобы „опровергнуть" нашъ взглядъ на образовательное значеніе древней церковной школы (Р. М. стр. 46—48). Но вполнѣ основательно предполагая, что намъ и самимъ извѣстны или, по крайней мѣрѣ, должны быть извѣстны сообщаемые имъ факты древне-русскаго невѣже-

ства, г. В. К. находитъ въ нашемъ молчаніи объ этихъ фактахъ положительное основаніе къ тому, чтобы заподозрить насъ въ недобросовѣстномъ желаніи кого-то обойдти и кого-то обморочить (Р. М. стр. 48).

Въ справедливости этого подозрѣнія онъ окончательно убѣдился, когда прочиталъ наши сужденія о слабомъ образовательномъ значеніи нашей современной школы и о разныхъ поддѣлкахъ подъ образованіе въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ. Онъ быстро раздѣлывается съ нашими сужденіями однимъ побѣдоноснымъ вопросомъ: „а Новиковъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ. Достоевскій, Щедринъ?"—и, предполагая насъ совершенно безотвѣтными, многозначительно увѣряетъ своихъ читателей, что нами „забыто, многое забыто" (Р. М. стр. 51). По правдѣ сказать, мы и дѣйствительно не можемъ дать никакого отвѣта на вопросъ нашего рецензента, потому что мы совершенно не понимаемъ, что̀ собственно должно доказывать собою сдѣланное имъ перечисленіе великихъ именъ. Во всякомъ случаѣ мы не можемъ думать, что будто исключительные таланты этихъ великихъ людей созданы въ школахъ и школами, какъ не можемъ думать и того, что будто высокое образованіе ихъ служитъ доказательствомъ дѣйствительной образованности хотя бы большинства русскаго интеллигентнаго общества. Не хотѣлось-ли нашему рецензенту напомнить намъ, что перечисленные имъ великіе люди не учились въ духовной школѣ и всетаки достигли такой высокой ступени образованія, что свѣтомъ его, путемъ распространенія ихъ сочиненій, могла бы наполниться вся русская земля?

Съ точки зрѣнія нашего рецензента, намъ слѣдовало сдѣлать такое напоминаніе въ виду нашихъ сужденій относительно образовательнаго значенія духовной школы. Изъ нашихъ сужденій г. В. К. вывелъ такое заключеніе, что образованіе, „конечно, можетъ дать только церковная школа", что съ нашей точки зрѣнія будто бы необходимо выходитъ такое положеніе: „долой свѣтская наука и философія, свѣтская сред-

няя и высшая школа"! А редакція Русской Мысли пошла еще дальше своего сообразительнаго сотрудника и въ подстрочномъ примѣчаніи къ его словамъ въ свою очередь также сообразила, что въ своемъ „отрицаніи наукъ мы лишь слабо вторимъ графу Л. Н. Толстому" (Р. М. стр. 51).

При такихъ обстоятельствахъ совершенно понятно, что слабое выраженіе нашихъ надеждъ и желаній, чтобы русскія духовныя школы и особенно духовныя академіи перестали быть сословными и профессіональными, чтобы онѣ готовили не только образованныхъ священниковъ, но и вообще образованныхъ христіанъ,—слабое выраженіе этихъ надеждъ и желаній произвело на г. В. К. такое тяжелое впечатлѣніе, что, по его собственному выраженію, при чтеніи соотвѣтствующихъ страницъ въ нашей брошюрѣ у него „жутко становится на душѣ" (ibid. стр. 52). Предъ нимъ встали печальныя тѣни Магницкаго, Рунича, Корнѣева и министра гр. Уварова, предъ нимъ возникъ призракъ „полнаго уничтоженія свѣтской школы и замѣны ея школой церковной" (ibid. стр. 53), и мы очутились наконецъ гасителемъ просвѣщенія и поборникомъ ежовыхъ рукавицъ.

2. Таковы тяжкіе грѣхи наши по сердитому сужденію о насъ г. В. К. Но *всѣ эти грѣхи наши благосклонно изволилъ сочинить для насъ самъ же нашъ рецензентъ.* На самомъ дѣлѣ въ содержаніи нашей брошюры нѣтъ даже и отдаленнаго намека на тѣ вопіюще нелѣпые выводы, какіе онъ изволитъ приписывать намъ. Основную и единственную задачу нашей брошюры мы сами ясно и точно формулируемъ на первой же страницѣ нашихъ разсужденій. Мы желали объяснить постороннимъ слушателямъ нашей актовой рѣчи: *зачѣмъ существуетъ академія? какой собственно толкъ въ нашихъ ученыхъ работахъ? и къ чему бы могло послужить учащейся у насъ молодежи серіозное изученіе академическихъ наукъ?* Эти вопросы въ нашей брошюрѣ напечатаны курсивомъ. Но г. В. К. не соблаговолилъ

обратить на нихъ ни малѣйшаго вниманія, и намъ приходится теперь очень пожалѣть объ этомъ. На самомъ дѣлѣ поставленные нами вопросы—и только они одни—объясняютъ собою все содержаніе нашей актовой рѣчи. Мы по собственному опыту хорошо вѣдаемъ, да и нашему рецензенту это прекрасно извѣстно, что среди нашего интеллигентнаго общества все понятіе о духовныхъ школахъ ограничивается только знаніемъ объ ихъ существованіи на Руси. Что существуютъ у насъ духовныя академіи и духовныя семинаріи,—объ этомъ многіе знаютъ, но что̀ это за школы такія, и чему въ нихъ учатъ, и какія тамъ получаются результаты обученія,—объ этомъ ужъ лучше и не спрашивать совсѣмъ, потому что всегда можно получить такіе отвѣты, предъ которыми останется только руками развести. И мы лично много разъ получали такіе отвѣты, получали ихъ отъ разныхъ интеллигентныхъ лицъ, изъ разныхъ слоевъ русскаго интеллигентнаго общества. Для характеристики этихъ отвѣтовъ мы позволимъ себѣ указать здѣсь только на одинъ давній, еще студенческій, разговоръ нашъ съ однимъ почтеннымъ помѣщикомъ. Человѣкъ несомнѣнно интеллигентный и несомнѣнно образованный, нашъ собесѣдникъ былъ крайне изумленъ, когда мы сообщили ему, что въ духовныхъ академіяхъ принятъ четырехлѣтній курсъ обученія. Онъ воображалъ, что у насъ учатъ только закону Божію да умѣнію обѣдни служить, и ему казалось, что для прохожденія академическаго курса было бы совершенно достаточно одного только учебнаго года.

Мы полагаемъ, что и самъ рецензентъ нашей брошюры г. В. К. знаетъ о духовной академіи не больше того, чѣмъ сколько было извѣстно о ней нашему доброму помѣщику. Вѣдь если бы онъ зналъ, чему обучаютъ у насъ, онъ не могъ бы сказать отъ нашего имени: „долой свѣтская наука и философія“, потому что въ составѣ академическаго курса почти половина наукъ *чисто свѣтскихъ*, и сами мы имѣемъ счастіе занимать въ академіи одну изъ *философскихъ* каѳедръ.

Какъ это ни печально, а намъ всетаки приходится довести до свѣдѣнія г. В. К., а вмѣстѣ съ нимъ и до свѣдѣнія почтенной редакціи Русской Мысли, что у насъ читаются обширные курсы логики, психологіи, исторіи философіи и метафизики, общей гражданской исторіи древней и среднихъ вѣковъ и новаго времени, и русской гражданской исторіи, и исторіи литературы русской, и исторіи иностранныхъ литературъ, и курсы древнихъ языковъ съ исторіей литературъ греческой и римской, и курсы нѣкоторыхъ другихъ чисто свѣтскихъ наукъ. Если г. В. К. съ покойной совѣстію можемъ приписывать намъ всякія нелѣпости, то мы не можемъ въ этомъ случаѣ послѣдовать его недоброму примѣру и не можемъ возвести на него такую напр. дикую клевету, что будто научность науки онъ ставитъ въ полную зависимость отъ того, въ школѣ *какого вѣдомства* преподается та или другая наука, что если напр. исторія литературы преподается въ университетѣ, то она— наука, а если въ духовной академіи, то она—чтò-то такое, для чего и названія нѣтъ. Наука не имѣетъ никакого отношенія ни къ сословіямъ, ни къ вѣдомствамъ. Она для всѣхъ одна, и отношеніе къ ней должно быть только одно.

Послѣ того, чтò намъ пришлось прочитать въ критической статьѣ г. В. К., мы уже не можемъ болѣе не опасаться теперь, что сообразительный рецензентъ нашей брошюры, пожалуй, и здѣсь увидитъ нѣкоторый искусный *подвохъ* съ нашей стороны—подвохъ, направленный къ замѣнѣ университетовъ и гимназій духовными академіями и духовными семинаріями. Считаемъ необходимымъ заранѣе успокоить г. В. К., а съ нимъ и редакцію Русской Мысли, что *такой нелѣпости* мы никогда даже и въ мысли не имѣли и *не могли имѣть*. Повторяемъ еще разъ, что единственная задача нашей актовой рѣчи выражается самымъ естественнымъ и самымъ понятнымъ желаніемъ съ нашей стороны: мы желали дать понятіе о духовной школѣ и пытались выяснить ея образовательное значеніе. Полагаемъ, что

въ постановкѣ этой задачи не заключается никакого преступленія. По крайней мѣрѣ, мы никогда бы не почувствовали „жуткости на душѣ“, если бы кто нибудь изъ профессоровъ университета или изъ преподавателей гимназіи сталъ бы говорить о значеніи университетскаго или гимназическаго обученія, и мы никогда бы *не позволили себѣ* увидѣть въ подобныхъ рѣчахъ свѣтскихъ профессоровъ и преподавателей какого нибудь недобросовѣстнаго подвоха по нашему адресу.

Мы не знаемъ, какъ свѣтскіе преподаватели стали бы выяснять образовательное значеніе своихъ школъ, но полагаемъ, что и они въ этомъ случаѣ несомнѣнно бы очутились въ крайне затруднительномъ положеніи. Дѣло въ томъ, что точно установленнаго понятія объ образованіи у насъ пока еще не имѣется. Именемъ образованія у насъ нерѣдко называется болѣе или менѣе обстоятельное знакомство съ современнымъ положеніемъ науки въ разныхъ отрасляхъ научнаго знанія, нерѣдко называется и болѣе или менѣе широкое знакомство съ художественной литературой, нерѣдко называется и простое умѣніе распоряжаться элементарными свѣдѣніями изъ школьныхъ учебниковъ, нерѣдко называется даже и простое окончаніе курса въ какомъ нибудь учебномъ заведеніи. Само собою разумѣется, что при множествѣ различныхъ понятій объ образованіи выяснить образовательное значеніе какой бы то ни было школы—дѣло совершенно невозможное. Для этого необходимо сначала установить правильное понятіе объ образованіи и уже съ точки зрѣнія этого понятія затѣмъ выяснить, можетъ ли извѣстная школа давать образованіе или не можетъ.

Въ своей брошюрѣ мы даемъ такое понятіе объ образованіи: „образованіе—не сумма научныхъ познаній, какими овладѣлъ или можетъ овладѣть человѣкъ, и тѣмъ болѣе оно—не умѣніе человѣка приспособляться къ разнымъ требованіямъ измѣнчивой моды, или къ правиламъ, такъ называемаго, свѣтскаго обращенія; вся сущность образованія заключается только въ познаніи

человѣкомъ правды о себѣ, и образованіе выражается лишь яснымъ представленіемъ человѣка о своемъ значеніи и назначеніи въ мірѣ въ качествѣ свободно-разумной личности" (О цѣли образ. стр. 29). Рецензентъ нашей брошюры приводить это опредѣленіе образованія и сопровождаетъ свою выдержку изъ нашей брошюры только однимъ коротенькимъ замѣчаніемъ: „все это, конечно, можетъ дать только церковная школа" (Р. М. стр. 51). О томъ, что церковная школа дѣйствительно можетъ давать образованіе, мы говоримъ, и раскрытіе этого положенія составляетъ спеціальный предметъ нашей актовой рѣчи. Но о томъ, что образованіе можетъ давать *только* церковная школа, мы *ни единаго слова* не говоримъ,—объ этомъ прозорливо догадывается лишь самъ г. В. К., и ужъ не намъ же, конечно, желать теперь, чтобы онъ оказался ложнымъ пророкомъ въ отечествіи своемъ. Но дѣло пока не въ школахъ, а въ самомъ понятіи объ образованіи. Для насъ было бы весьма интересно и важно узнать, признаетъ-ли г. В. К. наше понятіе объ образованіи или не признаетъ. Въ виду того, что онъ не дѣлаетъ намъ никакихъ возраженій по этому поводу, мы склонны думать, что онъ соглашается съ нами. Но въ виду того, что онъ приводитъ нашу формулу со знакомъ восклицанія: „*вся* (!) сущность образованія"...., мы не менѣе склонны думать, что онъ признаетъ необходимымъ дополнить нашу формулу, и очень возможно, что онъ сдѣлаетъ къ ней такія дополненія, послѣ которыхъ отъ нея рѣшительно ничего не останется. Возможно это потому, что отрицательная половина нашей формулы: образованіе—*не сумма научныхъ познаній, не умѣніе приспособляться къ требованіямъ измѣнчивой моды или къ правиламъ, такъ называемаго, свѣтскаго обращенія*,—въ нашей брошюрѣ напечатана обыкновеннымъ шрифтомъ, а въ рецензіи г. В. К. она напечатана курсивомъ. По видимому, цѣль этого курсива заключается въ томъ, что г. В. К. желалъ раскрыть нашу срамоту и показать читателямъ Русской Мысли, какой

мы необразованный человѣкъ, что не считаемъ за выраженіе образованія ни суммы научныхъ познаній, ни требованій измѣнчивой моды, ни даже правилъ свѣтскаго обращенія. Если г. В. К. дѣйствительно выражалъ своимъ курсивомъ такое намѣреніе, то нашъ разговоръ съ нимъ, очевидно, долженъ быть совершенно другой. Но опираться на догадки и судить по догадкамъ мы не рѣшаемся, и потому, вмѣсто принципіальныхъ разсужденій по вопросу о цѣли образованія, мы ограничимся пока только простымъ разъясненіемъ тѣхъ сужденій по этому вопросу, которыя были высказаны нами въ нашей брошюрѣ.

3. Наша рѣчь о духовной школѣ начинается краткимъ напоминаніемъ о прежнемъ значеніи церковнаго образованія, когда это образованіе было *единственнымъ* на Руси (О цѣли образ. стр. 6—7). Это напоминаніе приводитъ нашего рецензента въ крайнее негодованіе, и онъ обвиняетъ насъ за него чуть-ли не во всѣхъ семи смертныхъ грѣхахъ. Самаго факта, что церковное образованіе дѣйствительно было единственнымъ на Руси, онъ не отвергаетъ. Ему хочется только доказать намъ, что въ до-петровской Руси и школъ-то почти не было, да и школы-то были никуда негодныя, и что поэтому кругомъ царило тогда всеобщее невѣжество. Въ этомъ доказательствѣ мы нисколько не нуждаемся. Мы ясно и опредѣленно отмѣчаемъ въ нашей брошюрѣ всѣ великіе изъяны древне-русскаго образованія и даже дѣлаемъ по этому поводу самое рѣшительное заявленіе, что въ силу своихъ существенныхъ изъяновъ наше старое церковное образованіе *не могло существовать и не должно было существовать* (О цѣли образ. стр. 8). Стало быть, указывать на факты древне-русскаго невѣжества, по крайней мѣрѣ—по отношенію къ намъ, г. В. К. трудился совершенно напрасно. Если бы мы думали *вопреки фактамъ*, на нихъ бы можно было указывать и можно было бы „опровергнуть“ насъ. А такъ какъ мы въ полной мѣрѣ признаемъ всѣ дѣйствительные факты и думаемъ *совершенно согласно съ ними*, то

и указывать ихъ намъ, очевидно, было не зачѣмъ. Мы и безъ указанiй г. В. К. хорошо знаемъ эти печальные факты, и если бы нашему рецензенту было угодно, мы могли бы указать ему еще болѣе рѣзкiе факты грубаго невѣжества нашихъ праотцевъ, чѣмъ какiе онъ указалъ. Но мы не имѣли въ виду написать *историческiй очеркъ образованiя* на Руси; мы хотѣли выяснить только минувшее *положенiе церковной школы*; и потому наша задача заключалась не въ томъ, чтобы *нарисовать картину* древне русскаго просвѣщенiя, а въ томъ, чтобы *опредѣлить то значенiе* церковной школы, какое она дѣйствительно имѣла.

Мы говоримъ, что древне-русская церковная школа была настолько плохо поставлена, что въ дѣйствительности она давала образованiе лишь самое ограниченное, и что не рѣдко даже образованiе нашихъ книжныхъ людей прежняго времени едва-едва только возвышалось надъ ступенью рѣшительнаго невѣжества. Это наше сужденiе, какъ прямо неблагопрiятное для прежней церковной школы, разумѣется, должно быть очень прiятно г. В. К., и онъ ничего бы, конечно, не имѣлъ противъ нашего обвинительнаго приговора по адресу церковной школы, если бы только мы ограничились этимъ однимъ приговоромъ. Но по долгу справедливости мы *имѣли удовольствiе* отмѣтить въ старомъ церковномъ обученiи и одну хорошую сторону. Мы именно указали на то обстоятельство, что „церковь благословляла ученiе и призывала къ нему во имя высшихъ интересовъ мысли и жизни,—во имя познанiя и достиженiя человѣкомъ истинныхъ цѣлей нравственной личности“ (О цѣли образ. стр. 9). Это обстоятельство, съ точки зрѣнiя нашего понятiя объ образованiи, дало намъ полное основанiе признать въ старомъ церковномъ ученiи наличность истиннаго принципа образованiя и наличность истинной цѣли его. Это именно признанiе и вызвало собою грозное негодованiе со стороны нашего рецензента. Онъ выставляетъ на видъ нашу крайнюю нелогичность, что мы и хвалимъ и порицаемъ

одну и туже церковную школу въ одинъ и тотъ же періодъ ея существованія, и при этомъ онъ дѣлаетъ весьма прозрачный экивокъ по нашему адресу, что будто мы говоримъ о церковной школѣ и такъ и этакъ, *по мѣрѣ надобности* (Р. М. стр. 44). Мы позволимъ себѣ увѣрить г. В. К., что дѣло обстоитъ совсѣмъ не такъ. Мы получили свое образованіе въ духовной академіи, а въ академіи учатъ говорить не *по мѣрѣ надобности*, а только *по убѣжденію въ правдѣ*. Когда факты заставили насъ признать великіе изъяны древне-русскаго церковнаго обученія, мы безъ всякаго колебанія признали эти изъяны. Когда же факты заставили насъ признать въ прежнемъ церковномъ обученіи наличность образовательнаго принципа и образовательной цѣли, мы признали также и эту наличность. Нашъ рецензентъ, выставляя на видъ нашу мнимую нелогичность и дѣлая въ нашу сторону свой экивокъ, *не соблаговолилъ однако ни единымъ словомъ обмолвиться*, что мы хвалимъ и порицаемъ церковную школу *въ двухъ совершенно различныхъ отношеніяхъ*: хвалимъ образовательный принципъ школьнаго обученія и осуждаемъ неудовлетворительную постановку школьнаго дѣла. Почему г. В. К. угодно было поступить такимъ образомъ, —мы не знаемъ, а догадываться не желаемъ; но мы очень жалѣемъ о томъ, что онъ поступилъ такимъ образомъ, потому что по крайней мѣрѣ одной неправдой въ его рецензіи могло бы быть меньше.

По мнѣнію нашего рецензента, старая церковная школа заслуживаетъ порицанія и одного только порицанія. Мы не можемъ и не умѣемъ хвалить или бранить безъ всякаго разбора по одному только желанію хвалить или бранить. О всякой школѣ мы желаемъ и можемъ судить только по тому, что̀ даетъ школа, а древняя церковная школа, какъ мы объ этомъ говоримъ и въ нашей брошюрѣ, дала намъ „не мало великаго духа людей“ (О цѣли образ. стр. 11). Нашъ рецензентъ, по видимому, признаетъ этотъ фактъ, но почему-то непремѣнно желаетъ ослабить его дѣйствительное

значеніе *одной и единственной* удивительной фразой: „г. Несмѣловъ благоразумно умалчиваетъ о чинѣ этихъ великихъ подвижниковъ“ (Р. М. стр. 49). Мы удивляемся этому замѣчанію г. В. К., потому что мы рѣшительно не въ состояніи понять, какое же собственно отношеніе къ сужденію о *духовномъ величіи* человѣка имѣетъ вопросъ о *чинѣ* его? Но если ужъ нашему рецензенту было угодно поставить намъ этотъ странный вопросъ, то мы считаемъ своей обязанностію довести до свѣдѣнія всѣхъ, кому это невѣдомо, что великіе подвижники вѣры и доблестные защитники ея у насъ *по преимуществу* выходили изъ духовнаго чина. Полагаемъ, что это обстоятельство не служитъ къ безчестію духовнаго чина, какъ не служитъ оно и къ чести свѣтскаго чина, хотя впрочемъ, по долгу справедливости, мы считаемъ необходимымъ замѣтить здѣсь, что духовный чинъ въ прежнее время не представлялъ еще изъ себя замкнутаго *духовнаго сословія*, а былъ именно *духовнымъ чиномъ*, въ который свободно могли вступать и дѣйствительно вступали свѣтскіе люди разныхъ сословій и разныхъ общественныхъ положеній отъ простого крестьянина и до удѣльнаго князя. Но повторяемъ, что вопросъ о чинѣ великихъ подвижниковъ вѣры въ данномъ случаѣ не имѣетъ для насъ рѣшительно никакого значенія. Дѣло вовсе не въ томъ, *въ какомъ чинѣ состояли* подвижники и защитники вѣры, а въ томъ, что они *были* и что ихъ *дала намъ церковная школа*. Мы признаемъ этотъ фактъ совершенно достаточнымъ для утвержденія своего положенія, что старая церковная школа, при всей неудовлетворительности ея, всетаки *могла* создавать людей великаго духа, что она *могла* всетаки давать людямъ образованіе хотя и *весьма одностороннее*, однако же *глубокое*, потому что *жизненное*.

Нашему рецензенту желательно „опровергнуть“ это положеніе, и онъ думаетъ опровергнуть его ссылкой на вопіющее невѣжество русскаго народа и даже самого русскаго духовенства въ періодъ до-петровской

Руси. Факты невѣжества мы признавали и признаемъ, но доказательное значенiе этихъ фактовъ въ пользу сужденiй нашего рецензента мы совершенно отрицаемъ. Нашъ рецензентъ, обвиняя насъ *въ намѣренномъ забвенiи многаго и многаго*. самъ конечно *ненамѣренно* забываетъ теперь хорошо извѣстные ему и очень важные факты, что въ до-петровской Руси хорошо организованныхъ школъ совсѣмъ не было, и что мастерами школьнаго дѣла тогда весьма нерѣдко выступали даже прямо полуграмотные люди. Это обстоятельство, *само по себѣ*, даетъ намъ право не на отрицанiе образовательнаго значенiя церковной школы, а только на отрицанiе той невозможной постановки школьнаго дѣла, которую мы отмѣтили въ нашей брошюрѣ и которую хорошо знаетъ также и нашъ рецензентъ. Если бы г. В. К. доказалъ намъ, что церковная школа, при *всякой* постановкѣ школьнаго дѣла, можетъ создавать только невѣждъ и суевѣровъ, то это доказательство было бы дѣйствительнымъ осужденiемъ церковной школы, и послѣ такого доказательства мы безъ всякаго колебанiя отвергли бы церковную школу, какъ совершенно никуда негодную. Но такого доказательства онъ не даетъ. А между тѣмъ мы имѣемъ факты и указываемъ на нихъ, что даже и при убогомъ церковномъ ученiи до-петровскаго времени у насъ могли появляться образованные люди, потому что церковное ученiе, при всемъ его несомнѣнномъ убожествѣ, опиралось однако на истинный принципъ образованiя и преслѣдовало его подлинную цѣль. Въ виду этого именно достоинства старой церковной школы, мы и высказали въ нашей брошюрѣ совершенно понятное и, по нашему мнѣнiю, совершенно правильное соображенiе, что въ перiодъ петровской реформы церковная школа подлежала собственно не уничтоженiю, а только коренному измѣненiю въ постановкѣ школьнаго дѣла. Съ точки зрѣнiя этого именно соображенiя мы и смотримъ какъ на петровскую реформу школьнаго дѣла, такъ и на положенiе духовной школы въ настоящее время.

Со времени петровской реформы церковная школа стала профессіональной и сословной. Церковныя власти позволяли учиться въ своихъ школахъ *только тѣмъ* людямъ, которые желали учиться *въ надежду священства.* А такъ какъ среди свѣтскихъ людей не находилось, да пожалуй и не могло находиться такихъ охотниковъ, которые бы желали учиться именно въ эту надежду, то церковныя школы *естественно и насильственно* стали наполняться *исключительно* дѣтьми духовенства. Въ этой спеціализаціи церковнаго обученія мы видимъ роковую ошибку церковной власти. Ошибка эта оказалась роковой прежде всего для самой церковной школы, потому что образовательный принципъ обученія въ ней былъ замѣненъ утилитарно-практическимъ принципомъ: вмѣсто обученія ради образованія явилось обученіе ради подготовки хорошихъ пастырей церкви — съ одной стороны и ради полученія мѣста—съ другой стороны. Но эта ошибка оказалась потомъ роковой и для самой русской церкви, потому что лица, желавшія образованія не ради священства, а ради образованія, самою же церковною властію были подвинуты на путь удаленія отъ церкви.

Такъ мы писали въ нашей брошюрѣ (О цѣли образ. стр. 12—14), такъ же мы и теперь думаемъ. Нашъ рецензентъ почему-то вообразилъ себѣ, что мы говоримъ не о духовной школѣ, а вообще о петровской реформѣ школьнаго дѣла, и что всю эту реформу мы считаемъ роковою ошибкой (Русская Мысль, стр. 50). Много разъ мы читали и перечитывали свою брошюру и всетаки рѣшительно не можемъ понять, откуда бы могъ возникнуть этотъ *печальный плодъ рецензентскаго воображенія?* Самъ г. В. К. не приводитъ нашихъ подлинныхъ словъ; онъ просто увѣряетъ своихъ читателей, что мы такъ думаемъ, да и дѣлу конецъ. Но думать такъ мы не могли и не можемъ. Кто же будетъ отрицать, что намъ всегда были нужны и всегда будутъ нужны и хорошіе медики, и хорошіе юристы, и хорошіе технологи, и хорошіе инженеры, и ученые

химики, и ученые физики, и пр. и пр.? Кто же въ здравомъ умѣ и доброй памяти будетъ отрицать очевидную необходимость и очевидную пользу такихъ учебныхъ заведенiй, которыя даютъ спецiальную научную подготовку для плодотворной работы на разныхъ поприщахъ государственно-общественной службы и дѣятельности? Полагаемъ, что никто. Полагаемъ, что г. В. К. приписалъ эту нелѣпость только намъ однимъ, и почему онъ приписалъ ее намъ, мы рѣшительно не понимаемъ. Мы думаемъ о петровской реформѣ вовсе не такъ, какъ это рисуется воображенiемъ нашего рецензента. Введенiе въ Россiи профессiональнаго образованiя мы не только не считаемъ роковою ошибкой, но и считаемъ это дѣло единственно великимъ дѣломъ, за которое Петръ I дѣйствительно заслуживаетъ титулъ *Великаго* и титулъ *Преобразователя* Россiи. Поэтому никакихъ свѣтскихъ учебныхъ заведенiй мы не отрицаемъ и не желаемъ отрицать, такъ какъ мы не менѣе г. В. К. понимаемъ и цѣнимъ ихъ огромное значенiе. Во всемъ нашемъ представленiи петровской реформы единственно неблагопрiятнымъ элементомъ для нея можетъ служить только наше сужденiе, что въ увлеченiи профессiональнымъ образованiемъ *общее* образованiе было забыто, и что самый принципъ общаго образованiя былъ принесенъ въ жертву утилитарно-практическому принципу профессiональной школы. Это мы дѣйствительно утверждаемъ, *потому что это—фактъ.* Но изъ признанiя этого факта вывести наше отрицательное отношенiе къ петровской реформѣ такъ же легко, какъ изъ признанiя плохой организацiи школьнаго дѣла вывести отрицательное отношенiе къ школѣ. Если въ мышленiи нашего рецензента такiе выводы оказываются возможными, то для нашего мышленiя они совершенно невозможны, и потому г. В. К. совершенно напрасно трудился ихъ дѣлать за насъ. Да кромѣ того г. В. К. не мѣшало бы принять во вниманiе еще и то обстоятельство, что подчиненiе образовательнаго принципа школы утили-

тарно-практическому мы утверждаемъ не по отношенію къ однимъ только свѣтскимъ школамъ, а также и по отношенію къ духовнымъ школамъ, потому что вѣдь мы же ясно и опредѣленно указываемъ, что и духовныя школы стали профессіональными и остаются такими до сего дня.

Очевидно, г. В. К. своимъ прозорливымъ окомъ подмѣтилъ въ насъ такое помышленіе, какого мы сами пока еще не въ состояніи уловить въ своей головѣ, и счастливый успѣхъ этого открытія вдохновилъ его на другое, еще болѣе изумительное, открытіе. Онъ отмѣчаетъ наше сужденіе, что церковная школа потеряла свое общеобразовательное значеніе, потому что волею церковнаго правительства она оказалась школой сословной и профессіональной. При указаніи этого сужденія г. В. К. не могъ удержаться отъ энергичнаго восклицанія: „изумительная логика и оригинальная схема русскаго развитія!“ По собственному мнѣнію нашего рецензента, дѣло объясняется гораздо проще. По его мнѣнію, церковная школа потеряла свое прежнее значеніе по самой простой и естественной причинѣ, что „*ради свѣтскихъ цѣлей* общество ищетъ *свѣтскаго образованія*“ (Р. М. стр. 50, курсивъ нашъ). Это сужденіе нашего рецензента заставляетъ и насъ изумиться. Если мы въ своемъ представленіи схемы русскаго развитія, по крайней мѣрѣ—для г. В. К., оказываемся оригинальными, то до оригинальности самого г. В. К. намъ куда какъ далеко. Онъ представляетъ такую схему русскаго развитія, какой никто еще никогда не указывалъ и послѣ г. В. К. навѣрное никто ужъ болѣе никогда не укажетъ. Представленная имъ схема русскаго развитія всѣмъ и каждому ясно показываетъ, что онъ имѣетъ объ образованіи такое же точно понятіе, какое и о духовной школѣ, т. е., совсѣмъ не имѣетъ никакого понятія. Вѣдь образованіе не можетъ быть ни свѣтскимъ, ни духовнымъ; *оно такъ же, какъ и наука, не имѣетъ никакого отношенія ни къ сословіямъ, ни къ вѣдомствамъ, и потому оно*

непремѣнно должно быть одинаковымъ для всякаго человѣка во всякомъ званіи и состояніи, чинѣ и положеніи. Нашъ рецензентъ указываетъ на какія-то свѣтскія цѣли образованія, но это указаніе его насъ еще болѣе изумляетъ. Никакихъ цѣлей,—ни свѣтскихъ, ни духовныхъ,—образованіе не знаетъ и не можетъ знать, потому что *оно само цѣль для себя, какъ и человѣкъ въ немъ самъ цѣль для себя.* Если подчинить образованіе какимъ бы то ни было цѣлямъ, то и всякое понятіе объ образованіи совершенно исчезнетъ, и за образованіе придется считать все, что̀ кому вздумается считать. Положимъ, напримѣръ, что нѣкоторая часть свѣтскихъ цѣлей вполнѣ успѣшно достигается изученіемъ медицины, и допустимъ, что всѣ медики на свѣтѣ —люди образованные. Потому ли медики образованные люди, что они изучили медицинскія науки и умѣютъ хорошо лечить людей? Полагаемъ, что нѣтъ. Полагаемъ, что можно перебрать всѣ профессіи, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго чина, и результатъ во всякомъ случаѣ получится одинаковый. Во всякой профессіи могутъ быть образованные люди, но ихъ образованность нисколько не зависитъ отъ ихъ профессіональныхъ занятій, стало быть—не зависитъ и отъ научной подготовки ихъ къ этимъ занятіямъ. Медики, юристы, священники, офицеры, конечно, въ одинаковой степени могутъ быть людьми образованными, но всякій образованный человѣкъ не есть непремѣнно медикъ или юристъ, священникъ или офицеръ. Что̀ же такое образованный человѣкъ?

Можетъ быть, г. В. К. усматриваетъ образованіе въ томъ, въ чемъ мы совсѣмъ не находимъ его, и что̀ онъ поэтому счелъ необходимымъ поставить намъ на видъ своимъ подчеркиваніемъ. Можетъ быть, онъ находитъ образованіе въ суммѣ научныхъ познаній, въ умѣніи человѣка приспособляться къ разнымъ требованіямъ измѣнчивой моды и въ усвоеніи человѣкомъ правилъ, такъ называемаго, свѣтскаго обращенія. Но тогда образовательное значеніе школы окажется прямо ни-

чтожнымъ. Мы уже не говоримъ о требованіяхъ моды и о правилахъ свѣтскаго обращенія,—для *такого* образованія совсѣмъ не требуется никакихъ школъ, потому что оно легко можетъ быть усвоено путемъ простой дрессировки, путемъ простого копированія хорошихъ моделей. Даже сумма научныхъ познаній можетъ служить только цѣннымъ матеріаломъ для достиженія образованія, а *сама по себѣ* она не составляетъ образованія и нисколько не доказываетъ его. Еще древній грекъ Гераклитъ высказалъ совершенно вѣрное положеніе: *πολυμαθίη οὐ νόον διδάσκει* = большая ученость не научаетъ уму,—и намъ кажется вовсе не трудно понять существенное различіе между знаніемъ и образованіемъ: знаніе—*продуктъ научно дисциплинированнаго ума*, образованіе—*только культура духа*, знаніе *пріобрѣтается* человѣкомъ, образованіе *только наживается имъ* въ развитіи его самосознанія, въ развитіи его личности. Правда, эту мысль нашу г. В. К. въ своей рецензіи на нашу брошюру изволилъ поднять на смѣхъ (Р. М. стр. 44), но мы думаемъ, что онъ допустилъ свой *приличный* смѣхъ по нашему адресу только потому, что онъ совсѣмъ не думалъ о томъ, что̀ такое образованіе и какимъ путемъ оно получается?

4. Мы думаемъ, что „образованный человѣкъ—не тотъ, кто наполнилъ свою голову цѣлой грудой всякихъ познаній, образованный—лишь тотъ, кто *умѣетъ связывать свои познанія въ единство цѣльнаго міровоззрѣнія и можетъ поэтому жить во свѣтѣ познаній*, кто не только ясно представляетъ себѣ весь дѣйствительный кругъ своихъ отношеній ко всему Божію міру, но и умѣетъ подчинять эти отношенія свои тому идеальному кругу обязанностей, который возникаетъ лишь изъ познанія человѣкомъ своей идеальной природы и нравственной цѣли“ (О цѣли образ. стр. 29—30). Съ точки зрѣнія этого именно понятія объ образованномъ человѣкѣ мы и выясняемъ образовательное значеніе церковной школы вообще и духовной академіи въ особенности. Въ виду того, что основнымъ предметомъ

академическаго учебнаго курса является изученіе христіанства въ его догматическомъ содержаніи и въ нравственныхъ заповѣдяхъ, въ его исторіи и въ міровомъ значеніи, мы выясняемъ въ нашей брошюрѣ образовательное значеніе христіанскаго вѣроученія, выясняемъ, почему и какъ это вѣроученіе можетъ имѣть для человѣка истинно образовательное значеніе (О цѣли образ. стр. 19—28). Эту часть нашей брошюры г. В. К. *совершенно опустилъ.* Между тѣмъ, эта часть въ нашей брошюрѣ—самая важная часть, вмѣстѣ съ нею стоитъ и падаетъ все наше разсужденіе относительно образовательнаго значенія церковной школы. Если ужъ г. В. К. угодно было „опровергнуть" насъ, то ему слѣдовало опровергать именно эту часть нашей брошюры. Тогда бы каждому было ясно и понятно, какъ смѣхотворны наши симпатіи къ церковной школѣ и къ христіанскому просвѣщенію.

Мы утверждаемъ, что христіанство заключаетъ въ себѣ основные и самые цѣнные элементы истиннаго образованія, и на этомъ основаніи мы утверждаемъ, что церковная школа вообще и духовная академія въ особенности можетъ давать дѣйствительное образованіе всякому человѣку, желающему получить именно образованіе, а не какой нибудь суррогатъ его. Отъ этого утвержденія у нашего рецензента, по его собственному выраженію, „жутко становится на душѣ", потому что въ этомъ утвержденіи онъ почему-то усматриваетъ наше грубое посягательство на существованіе университетовъ и гимназій. Мы, разумѣется, не можемъ знать, насколько близко г. В. К. знакомъ съ университетомъ. Если онъ знаетъ объ университетѣ не болѣе того, чѣмъ сколько онъ знаетъ о духовной академіи, то въ его душевной жуткости для насъ, конечно, не можетъ быть ничего непонятнаго. Но если онъ знаетъ объ университетѣ хоть немного побольше того, чѣмъ сколько онъ знаетъ о духовной академіи, то его душевная жуткость составляетъ для насъ прямо неразрѣшимую загадку. Вѣдь университетъ состоитъ изъ четырехъ совершенно

отдѣльныхъ учебныхъ заведеній, волею правительства соединенныхъ подъ одною кровлею и подчиненныхъ вѣдѣнію одного ректора. У насъ существуетъ военно-медицинская академія, значитъ—и всѣ медицинскіе факультеты могутъ благополучно существовать независимо отъ университетовъ. У насъ существуетъ юридическій лицей въ Ярославлѣ, значитъ—и всѣ юридическіе факультеты могутъ благополучно существовать независимо отъ университетовъ. У насъ существуютъ историко-филологическіе институты, значитъ и всѣ филологическіе факультеты могутъ благополучно существовать независимо отъ университетовъ. Въ такомъ случаѣ университетъ остается только съ однимъ физико-математическимъ факультетомъ. На какое же изъ этихъ учебныхъ заведеній мы посягаемъ въ тайномъ намѣреніи своемъ замѣнить его духовною школой? Ни на какое не посягаемъ. Вѣдь духовная академія не даетъ и не можетъ давать ни медиковъ, ни юристовъ, ни естествовѣдовъ, ни филологовъ. А между тѣмъ ученые работники и свѣдущіе люди во всѣхъ этихъ областяхъ знанія намъ существенно необходимы и по требованіямъ жизни. и во имя интересовъ науки. Поэтому, мы не только не желаетъ уничтоженія университетовъ и вообще свѣтскихъ учебныхъ заведеній, а напротивъ—мы искренно желаемъ имъ самаго прочнаго существованія и самаго широкаго развитія. Они дѣлаютъ другое дѣло, котораго мы не можемъ дѣлать, и уже по этому одному они нисколько не могутъ мѣшать намъ, какъ и мы съ своей стороны нисколько не желаемъ и не можемъ служить какою нибудь помѣхою для нихъ.

Но помимо людей, ищущихъ основательной подготовки къ разнаго рода практической дѣятельности, всегда были и всегда будутъ находиться такіе люди, которые ищутъ образованія ради образованія. Вниманію *этихъ именно* людей мы рекомендовали и рекомендуемъ духовную академію, какъ такое учебное заведеніе, въ которомъ желающій образованія дѣйствительно можетъ получить его. Но при этомъ мы никого не

желали обморочить хитрымъ сплетеніемъ словъ. а напротивъ намѣренно,—на тѣхъ именно страницахъ. которыя совершенно опущены нашимъ рецензентомъ,—мы дали самое обстоятельное представленіе о томъ, что̀ именно можетъ дать академія всѣмъ ищущимъ образованія. Если какой нибудь искатель образованія найдетъ, что мы обѣщаемъ ему то самое, что̀ именно нужно ему, то онъ придетъ къ намъ, а если кто найдетъ, что мы обѣщаемъ совсѣмъ не то, что̀ на самомъ дѣлѣ нужно ему, то онъ и не придетъ къ намъ. Кажется, мы поставили дѣло такъ, какъ его можно поставить и какъ его слѣдуетъ поставить, и какъ его несомнѣнно поставилъ бы и всякій *свѣтскій* профессоръ, если бы онъ взялся выяснять спеціальное или общеобразовательное значеніе своего учебнаго заведенія. Но что̀ позволительно свѣтскому чину, то оказывается непозволительнымъ для насъ. Рецензентъ нашей брошюры негодуетъ на насъ, зачѣмъ мы раскрываемъ образовательное значеніе одной только духовной школы. Ему бы хотѣлось, чтобы на торжественномъ академическомъ актѣ мы произнесли свою рѣчь на особо пріятную для него тему о значеніи университетовъ и гимназій. Полагаемъ. что ни одному свѣтскому профессору г. В. К. никогда бы не заявилъ о такомъ желаніи своемъ по отношенію къ духовной школѣ. Заявляемъ же г. В. К. что мы говорили свою рѣчь, о чемъ хотѣли ее говорить по сознанію въ себѣ нравственной обязанности сказать именно то самое, что̀ мы сказали, и увѣряемъ г. В. К., что выяснять образовательное значеніе свѣтской школы совсѣмъ не наше дѣло, а въ чужія дѣла мы никогда не мѣшаемся.

Мы рекомендуемъ духовную школу, которую знаемъ и за которую ручаемся, и рекомендуемъ ее въ томъ именно отношеніи, въ какомъ мы ее знаемъ и въ какомъ за нее ручаемся. Эта совершенно понятная и совершенно естественная симпатія наша къ своей духовной школѣ даетъ нашему рецензенту основаніе подозрѣвать и даже прямо обвинять насъ къ явномъ не-

расположеніи къ свѣтской школѣ. По его словамъ, мы недовольны свѣтской школой и кромѣ недостатковъ въ ней ничего не находимъ (Русская М. стр. 44). Но *это сообщеніе нашего рецензента составляетъ лишь плодъ его досужаго воображенія*. Въ дѣйствительности о свѣтской школѣ мы говоримъ въ нашей брошюрѣ всего лишь *нѣсколько строкъ* и при томъ говоримъ *вполнѣ объективно*. Мы напоминаемъ лишь всѣмъ и каждому хорошо извѣстный фактъ,—фактъ правительственныхъ мѣропріятій по усиленію общеобразовательнаго значенія свѣтской школы путемъ расширенія круга учебныхъ предметовъ, путемъ введенія въ школьное преподаваніе древнихъ языковъ и, наконецъ, въ самое послѣднее время путемъ увеличенія уроковъ по закону Божію (О цѣли образ. стр. 16). Больше этого о свѣтской школѣ мы не говоримъ *ни единаго слова*, не хвалимъ ее и не бранимъ. и о своемъ отношеніи къ ней *даже и косвенно* въ нашей брошюрѣ никакихъ заявленій не дѣлаемъ. Нашъ рецензентъ *заключаетъ* о нашемъ нерасположеніи къ свѣтской школѣ на томъ основаніи, что, по его словамъ, мы *всюду отождествляемъ образованіе съ религіозностію*. Но увы! и это основаніе въ дѣйствительности создано только собственнымъ воображеніемъ г. рецензента. Вѣдь онъ самъ же приводитъ наше понятіе объ образованіи, и хотя онъ, дѣлая выдержку изъ нашей брошюры, *ненамѣренно* остановился не тамъ, гдѣ бы ему слѣдовало остановиться, однако и изъ приведенной имъ выдержки можно ясно увидѣть, что мы считаемъ за подлинное выраженіе образованія „только ясное представленіе человѣка о своемъ значеніи и назначеніи въ мірѣ въ качествѣ свободно-разумной личности“. А вслѣдъ за этими словами, которыми *оканчивается* у г. В. К. сдѣланная имъ выдержка изъ нашей брошюры, у насъ *непосредственно* слѣдуетъ такая характеристика образованія: „само собою разумѣется, что это представленіе (т. е. представленіе человѣка о своемъ значеніи и назначеніи въ мірѣ) *можетъ быть выработано человѣкомъ научнымъ и ненаучнымъ путемъ*; и

оно можетъ опираться *на всю сумму научныхъ познаній, или только на разрозненные обрывки ихъ*; и оно можетъ охватывать собою *всю совокупность человѣческихъ интересовъ, или же только ограниченную часть ихъ.* Въ силу этихъ различій оно, очевидно, можетъ быть весьма различнаго качества. Оно можетъ быть *научнымъ и ненаучнымъ, глубокимъ и поверхностнымъ, широкимъ и одностороннимъ*" (О цѣли образ. стр. 29). Гдѣ же здѣсь смѣшеніе религіозности и образованія? Мы ихъ не смѣшиваемъ. У насъ даже ученикъ изъ приготовительнаго класса духовнаго училища никогда не допуститъ этого смѣшенія, потому что и онъ у насъ хорошо понимаетъ, что вѣра бываетъ не по разуму, и что религіозность весьма легко можетъ уживаться съ грубымъ невѣжествомъ. Нѣтъ, дѣло очевидно не въ этомъ смѣшеніи. Не въ томъ ли заключается все дѣло, что мы *нигдѣ не противополагаемъ* религіозность образованію, что мы даже находимъ въ христіанскомъ вѣроученіи верховный и на самомъ дѣлѣ единственный принципъ для органической связи познанія и жизни, что мы весь міръ научныхъ знаній хотимъ привести къ построенію христіанскаго міровоззрѣнія? По крайней мѣрѣ, относительно *этихъ именно* страницъ въ нашей брошюрѣ г. В. К. дѣлаетъ свое откровенное заявленіе, что при чтеніи ихъ у него „жутко становится на душѣ". Ну, въ такомъ случаѣ мы ужъ ничего не можемъ подѣлать: неясное можемъ разъяснить, недоразумѣніе можемъ разрѣшить, а для устраненія чувства жуткости мы никакихъ средствъ не имѣемъ.

Однако и оставить нашего рецензента съ чувствомъ жуткости на душѣ намъ бы весьма не хотѣлось. Вѣдь у страха глаза велики. Со страха, Богъ знаетъ, что̀ можетъ померещиться человѣку. Страхъ можетъ даже отшибить у человѣка и память и умъ. Въ виду этого намъ бы очень хотѣлось *порадовать* г. В. К. такими сообщеніями о духовной школѣ, которыя были бы пріятны ему. Въ числѣ этихъ сообщеній мы прежде всего можемъ указать г. В. К. на очень печальное для

насъ обстоятельство. Наши духовныя академіи рѣшительно не могутъ удовлетворить той широкой потребности въ образованіи, какая на самомъ дѣлѣ существуетъ у насъ. Не смотря на то. что молодые люди принимаются въ академію только по экзамену, и притомъ по экзамену довольно суровому, къ намъ, кромѣ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, не рѣдко заявляются воспитанники классическихъ гимназій, и заявляются иногда даже студенты университетовъ, и *мы ежегодно вынуждены отказывать въ поступленіи въ академію цѣлымъ десяткамъ молодыхъ людей по недостатку мѣста*. При этомъ не рѣдко сказывается и наше враждебное отношеніе къ университету: тѣхъ неудачниковъ, которымъ мы вынуждаемся отказывать въ поступленіи въ академію, мы сами иногда уговариваемъ къ поступленію въ университетъ, и нѣкоторые учатся теперь въ университетѣ даже по нашему личному уговору. Правда, мы *вынуждаемся* такъ поступать, но думаемъ, что и самъ г. В. К. едва ли найдетъ удобнымъ потребовать отъ насъ, чтобы мы *отговаривали* отъ поступленія въ академію лицъ, *желающихъ* учиться у насъ. Для удовольствія тѣхъ, кому это пріятно, по нашему мнѣнію, должно быть достаточно и того, что мы не только не нуждаемся въ уничтоженіи свѣтскихъ школъ ради наполненія своихъ собственныхъ школъ, но не имѣемъ возможности учить даже и тѣхъ, которые сами приходятъ къ намъ по желанію учиться у насъ.

Конечно, для насъ это положеніе очень печально, и мы бы весьма желали, чтобы оно измѣнилось. Изображать изъ себя невольнаго палача на пріемныхъ экзаменахъ, въ силу печальной необходимости принять не болѣе половины того количества, которое держитъ экзаменъ для поступленія въ академію, дѣло слишкомъ тяжелое. Но... да порадуется г. В. К.,—мы безсильны измѣнить это положеніе и не имѣемъ никакой надежды на его измѣненіе. Наши академіи *по составу учебнаго курса* являются общеобразовательными заведеніями, но

по своему назначенію онѣ были, остаются и, вѣроятно, останутся профессіональными школами духовнаго вѣдомства. Если и не по буквѣ академическаго устава, то фактически ихъ спеціальная цѣль заключалась и заключается въ томъ, чтобы готовить образованныхъ людей только въ потребу церковнаго служенія, т. е., готовить не вообще образованныхъ христіанъ, а именно только образованныхъ пастырей церкви, и лишше сего, по принятому взгляду на духовныя академіи, отъ нихъ рѣшительно ничего не требуется. Понятно-ли теперь г. В. К., къ кому мы обращались въ заключительной части нашей актовой рѣчи, кого и о чемъ мы просили?

Если это непонятно ему, то мы ужъ доставимъ ему и еще одну радость, и самую великую радость. Мы живемъ въ ожиданіи реформы и, можетъ быть, находимся наканунѣ ея. Въ то время, когда мы писали свою брошюру, и въ духовной и въ свѣтской печати изрѣдка передавались тревожные слухи, что будто реформа предполагается въ томъ самомъ направленіи, которое было бы несомнѣнно пріятно для г. В. К., что будто въ курсѣ духовно-учебныхъ заведеній предполагается сократить преподаваніе свѣтскихъ наукъ, а нѣкоторыя науки даже и совсѣмъ исключить. Лично мы считали и считаемъ эти слухи совершенно нелѣпыми. Но разъ ужъ они проникали въ печать, и о нихъ приходилось выслушивать разные толки въ обществѣ, мы также, конечно, не могли не думать о нихъ и не могли не считаться съ ними. Мы невольно воображали себѣ быстрый упадокъ духовно-учебныхъ заведеній съ паденіемъ ихъ образовательнаго значенія и невольно уносились своею мыслію къ тому недалекому времени, когда пастыри церкви, особенно въ большихъ городахъ, за неимѣніемъ паствы, будутъ пасти только своихъ женъ да церковныхъ сторожей. Узкоспеціальное, одностороннее образованіе мало чѣмъ отличается отъ сущаго невѣжества, а изъ невѣжды священника можно сдѣлать только хорошаго требоисправителя, а ужъ никакъ не пастыря церкви, потому что онъ не

можетъ быть учителемъ тѣхъ людей, которые будутъ гораздо образованнѣе его. И вотъ, мы сказали свое слово о цѣли образованія.....

5. Въ своемъ похвальномъ усердіи разоблачить наше мракобѣсіе г. В. К. мимоходомъ рисуетъ для своихъ читателей и нашъ умственно-нравственный обликъ. Онъ видитъ въ насъ по нашей брошюрѣ темнаго могильщика гражданственности и цивилизаціи, поборника ежовыхъ рукавицъ, находитъ въ насъ смѣлость и развязность, упрекаетъ насъ въ отсутствіи такта, въ незнаніи элементарныхъ правилъ приличія, въ незнакомствѣ съ исторіей нашей общественной мысли и съ ея современнымъ состояніемъ, и во многомъ другомъ. Говорить по этому поводу для насъ, разумѣется, дѣло крайне щекотливое, потому что вѣдь въ такомъ случаѣ придется какъ будто оправдываться и, значитъ,—придется какъ будто хвалить себя. Въ виду этого мы считаемъ болѣе удобнымъ ограничиться только благодарностію по адресу г. В. К. за тѣ полезныя для насъ свѣдѣнія, какими отъ первой и до послѣдней страницы наполнена его рецензія. До прочтенія его рецензіи мы дѣйствительно не знали и не воображали себѣ, съ какимъ *тактомъ* иногда могутъ писать свои рецензіи русскіе образованные рецензенты и какихъ *правилъ приличія* они могутъ при этомъ держаться. Мы не знали и не воображали себѣ, что чувство такта требуетъ отъ рецензента не только судить о томъ, что̀ написано въ книгѣ или въ брошюрѣ, а еще *деликатно заглядывать* и въ душу автора и *прозорливо отгадывать* его намѣренія. Мы не знали и не воображали себѣ, что въ рецензіи, вмѣсто дѣйствительнаго содержанія книги или брошюры, могутъ подвергнуться суду и осужденію именно эти самыя невысказанныя намѣренія автора. Теперь мы не только воображаемъ, но и доподлинно знаемъ, какъ легко иногда можно побѣдить своего противника: покопался въ его душѣ, подсунулъ ему что-нибудь несуразно-нелѣпое, и дѣло сдѣлано. Такъ именно и обдѣлалъ свое дѣльце по отношенію

къ намъ г. образованный рецензентъ нашей брошюры. Онъ не могъ вынести нашей скромной похвалы по адресу церковной школы и безъ всякаго стѣсненія подсунулъ намъ свой каррикатурно-нелѣпый проектъ замѣны университетовъ и гимназій духовными академіями и духовными семинаріями. Чувство такта заставило его *скрыть* отъ читателей своей рецензіи первую страницу нашей брошюры, гдѣ мы точно и опредѣленно указываемъ, что мы желаемъ говорить объ образовательномъ значеніи духовныхъ академій. Чувство такта заставило его *выбросить* болѣе трети нашей брошюры, гдѣ мы съ возможною обстоятельностію раскрываемъ нашъ взглядъ на образовательное значеніе христіанскаго вѣроученія. Чувство такта заставило его *систематически умалчивать* о всемъ томъ, что̀ существенно можетъ говорить въ нашу пользу и что̀ служитъ прямымъ опроверженіемъ его рецензентскихъ измышленій.

Нашъ рецензентъ, выставляя на видъ грубую нелогичность нашихъ сужденій о церковной школѣ, *ненамѣренно утаилъ* отъ читателей своей рецензіи, что мы разсматриваемъ церковную школу съ двухъ разныхъ сторонъ—со стороны принципа обученія и со стороны осуществленія этого принципа при данной постановкѣ школьнаго дѣла. Равнымъ образомъ, обвиняя насъ въ незнакомствѣ съ исторіей русской общественной мысли, онъ *утаилъ* отъ читателей своей рецензіи, что русская общественная мысль съ давнихъ уже поръ течетъ по двумъ совершенно различнымъ русламъ, и что если мы лично находимся въ другомъ теченіи, чѣмъ онъ, всевѣдущій г. В. К., то это еще нисколько не доказываетъ нашего незнакомства съ тѣмъ теченіемъ, по которому онъ плыветъ. И равнымъ образомъ, выставляя насъ противникомъ свѣтской науки и философіи, онъ *утаилъ* отъ читателей своей рецензіи, что наше церковное обученіе вовсе не ограничивается изученіемъ православнаго катехизиса или, по его выраженію, обученіемъ четью-пѣтью, а напротивъ—мы стремимся и надѣемся связать съ содержаніемъ катехизиса всю сумму

научно-философскихъ познаній о міровой и человѣческой жизни.

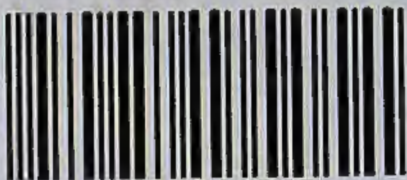
Изъ рецензіи г. В. К. мы узнали теперь, какъ съ сознаніемъ такта можно блеснуть иногда своей великой ученостію, хотя бы для этого блеска пришлось доказывать то самое, что̀ утверждается и самимъ авторомъ книги. Мы знаемъ теперь, какъ тактично можно отдѣлаться иногда отъ всякаго серьезнаго разсужденія, бросая лишь вскользь мимоходныя замѣточки, въ которыхъ рѣшительно ничего не говорится и въ тоже самое время какъ будто очень многое говорится. Въ своемъ родѣ величайшимъ перломъ рецензентскаго искусства мы считаемъ напр. однострочную замѣточку г. В. К., что мы „благоразумно умалчиваемъ о чинѣ великихъ подвижниковъ вѣры“. Мы знаемъ теперь, что авторъ книги или брошюры весьма легко можетъ быть завиненъ во всемъ, въ чемъ только захочется его завинить какому нибудь прилично-тактичному г. рецензенту. Въ этихъ видахъ требуется очень немного,—требуется лишь не приводить собственныхъ выраженій автора книги, а передавать его мысли своими словами и въ этой передачѣ его мыслей искусно говорить и скромно не договаривать. Нашъ рецензентъ напр., обвиняя насъ въ смѣлости и развязности, въ нетактичности и въ неприличіи, оправдываетъ свою характеристику нашей личности указаніемъ на коротенькую замѣтку нашу о графѣ Л. Н. Толстомъ, что мы *даже* въ отношеніи графа Толстого осмѣливаемся говорить „о вопіющемъ убожествѣ религіозныхъ познаній“ (Русск. М. стр. 51). Но при этомъ онъ не соблаговолилъ привести цѣликомъ нашу небольшую замѣтку (всего 12 строкъ на 18 стран. нашей брошюры) и *скрылъ* отъ читателей своей рецензіи, что вся наша замѣтка о Толстомъ *составлена на основаніи собственныхъ выраженій самого же гр. Толстого въ его знаменитой Исповѣди*, что намъ лично въ этой замѣткѣ принадлежитъ *только выраженіе нашего сожалѣнія* о плохомъ пониманіи Толстымъ евангелія. Вѣдь и г. В. К., и редакція Русской Мысли, сдѣлав-

шая здѣсь свое подстрочное примѣчаніе, *не могли* не читать „Исповѣди“ Толстого и *не могли* не знать, что въ своемъ сужденіи о Толстомъ мы говоримъ лишь то самое, что̀ онъ самъ о себѣ говоритъ,—и всетаки, по чувству такта и по требованію свѣтскихъ приличій, они нисколько не постѣснились завинить насъ предъ читателями своего журнала въ грубости и развязности мальчишескаго ухарства. Теперь мы знаемъ всю печальную тайну многихъ побѣдоносныхъ рецензій, знаемъ и удивляемся.

Одного только мы не знаемъ пока. Мы не знаемъ, какъ то „свѣтское образованіе“, поборникомъ котораго является г. В. К., относится къ грѣху *ненамѣреннаго умалчиванія* о томъ, о чемъ бы непремѣнно слѣдовало упомянуть. Съ точки зрѣнія нашего „духовнаго образованія“ мы во всякомъ случаѣ весьма бы желали, чтобы оно по крайней мѣрѣ неодобрительно относилось къ грѣху *ненамѣреннаго придумыванія* всякихъ небылицъ. Нашъ рецензентъ придумалъ за насъ и враждебное отношеніе къ свѣтской школѣ, и желаніе замѣнить свѣтскую школу духовной школой, и желаніе уничтожить свѣтскую науку и философію, и желаніе водворить ежовыя рукавицы, и многое-многое онъ придумалъ за насъ, о чемъ мы совершенно не думали и о чемъ мы даже не могли думать. При способѣ отгадыванія чужихъ намѣреній, разумѣется, не трудно придумать еще и больше того, чѣмъ сколько придумано нашимъ рецензентомъ. Но вѣдь этотъ способъ—очень опасный способъ. Ну, что̀ бы сказалъ г. В. К., если бы мы придумали за него, положимъ хоть, ненависть къ церкви и религіи, и если бы мы обвинили его напр. въ тайномъ желаніи вызвать вражду къ духовному сословію и произвести лишнюю смуту въ обществѣ? Онъ, конечно, призналъ бы наше обвиненіе *чудовищнымъ доносомъ*, и тотъ способъ, при помощи котораго мы составили бы свое обвиненіе, онъ навѣрное бы осудилъ, какъ *нравственно-непозволительный*. И въ этомъ случаѣ онъ былъ бы совершенно правъ. Поэтому мы не

можемъ не пожалѣть о томъ, что онъ не догадался подумать о способѣ заглядыванія въ чужую душу раньше писанія своей рецензіи. Можетъ быть, онъ не допустилъ бы тогда этого способа и не сдѣлалъ бы читающей публикѣ ложнаго доноса на насъ. Мы не можемъ думать, что г. В. К. считаетъ нравственно непозволительнымъ только ложный доносъ по адресу правительства, а ложный доносъ по адресу публики онъ признаетъ лишь за невинную бездѣлицу. Ложный доносъ по адресу правительства *по закону* непозволителенъ, а ложный доносъ по адресу публики только *нравственно* непозволителенъ, и потому именно, *по чувству нравственной порядочности*, къ этому доносу слѣдовало бы относиться гораздо строже, чѣмъ къ ложному доносу по адресу правительства.

Мы не можемъ послѣдовать недоброму примѣру г. В. К., — не можемъ пуститься въ отгадываніе его намѣреній. Мы благодаримъ его за науку о томъ, какъ съ чувствомъ такта и съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ приличія можно *отдѣлать* своего противника, но воспользоваться его наукой, изъ уваженія къ своему профессорскому званію. мы рѣшительно не можемъ. Если эта статья наша дойдетъ до свѣдѣнія г. В. К., и онъ соблаговолитъ сказать о ней свое умное слово образованнаго рецензента, то мы просили бы его слѣдить по нашей статьѣ за рѣшеніемъ только одного вопроса: чтò такое образованіе и можно ли получить его въ духовной школѣ? Если угодно г. В. К., онъ можетъ поставить вопросъ и шире,—можетъ напр. формулировать его такимъ образомъ: чтò такое образованіе и какимъ путемъ можно получить его? При такой постановкѣ вопроса мы сочтемъ своей нравственной обязанностію продолжить съ г. В. К. нашъ разговоръ. Если же онъ сочтетъ для себя болѣе удобнымъ уклониться отъ принципіальныхъ разсужденій и вздумаетъ снова занять въ отношеніи насъ ту приличную позицію, которую онъ сейчасъ занимаетъ, то дальнѣйшая полемика будетъ безцѣльна.

2007044242